

"Россияне до сих пор считают советскую власть "своей"

Мумин Шакиров

02 августа 2026

 Приоритетный источник в Google

Профессор Андрей Зубов, коллаж

Интервью с историком Андреем Зубовым

Настоящий материал (информация) произведен, распространен и(или) направлен иностранным агентом Шакировым Мумином Шакировичем, либо касается деятельности иностранного агента Шакирова Мумина Шакировича. 18+

Почему общество готово жертвовать собой ради имперских фантомов и кому из российских правителей удавалось вырваться из круга насилия? О роли личности в истории, психологии диктаторов и о том, как имперские комплексы превращают граждан в соучастников власти.

– Недавно Путин заявил, что рано или поздно Румыния, Венгрия и Польша отнимут у Украины территории, которые когда-то вошли в её состав, и что Россия единственный гарант целостности Украины. Как на это реагировать?

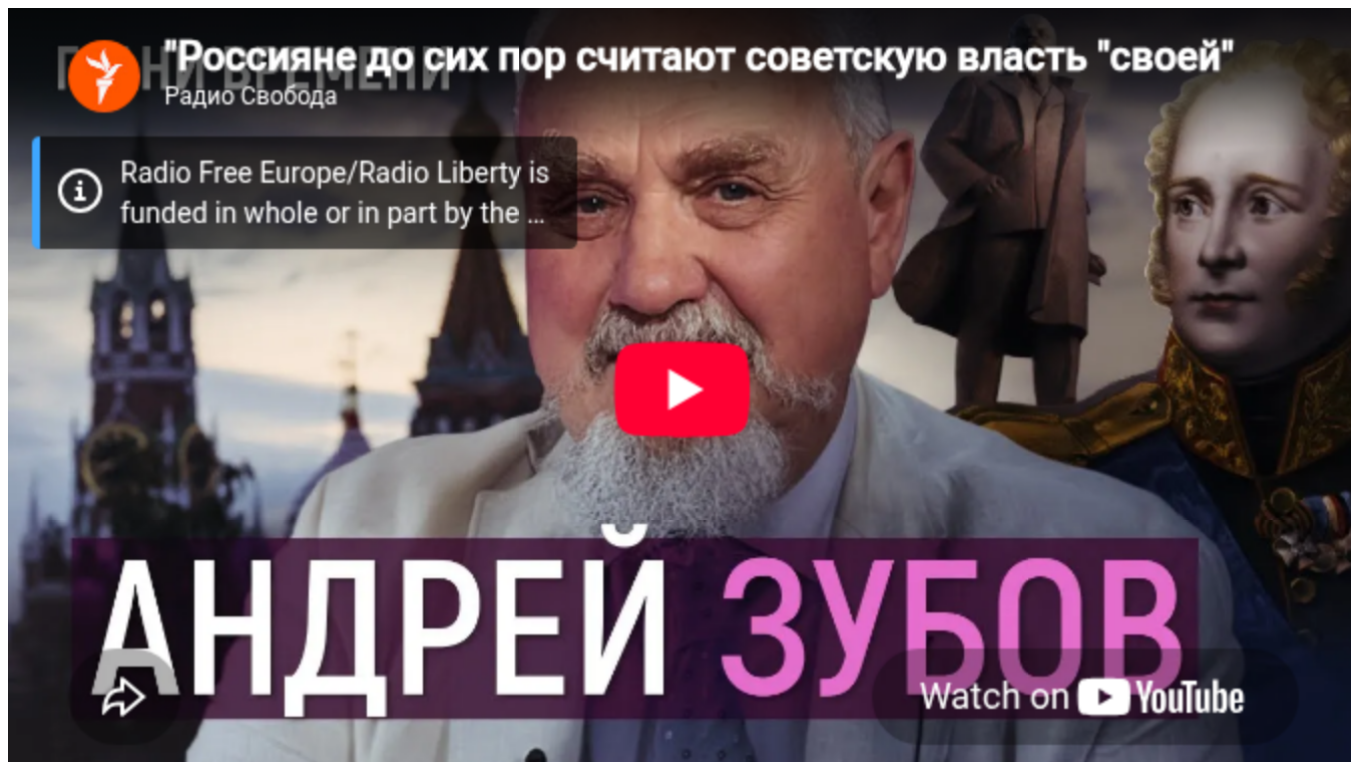
– Это, в общем, болтовня. Хотя это говорит диктатор, глава огромного государства, это просто безответственная болтовня. Мир уже давно не мыслит в категориях: "Моё — твоё, отдай то, что когда-то было моим". Мир понял, что это ведёт только к гибели. Вторая мировая война была последней точкой на этом пути. После этого цивилизованные страны прекратили требовать пересмотра границ и вспоминать историческое прошлое: когда-то это было моим. Так установился в Европе мир.

– Кинопродюсер Александр Роднянский: "Мы присутствуем при распаде империи. Наши правнуки будут считать, что распад СССР происходил с 1991-го по 2026-й или 2027 год, когда закончится война". Как вы считаете, мы сейчас находимся в этом процессе?

– Понятие империи намного сложнее, чем просто территориальное пространство. Империя — это принудительная власть. Если исходить из латинского слова *imperiū*, это когда кто-то принуждает другого подчиняться помимо его воли. Это могут быть территории, народы, социальные группы. Всегда, когда есть принуждение против воли, это синдром империи. Само по себе многонациональное государство, даже такое огромное, как Индия, не является империей. Ни один нормальный человек не называет Индию империей.

– То есть советская империя всё ещё распадается?

– Историк исследует прошлое, он не предрекает будущее. Я могу сказать, что факт распада Советского Союза очевиден. Так же очевидно, что на совершенно свободном плебисците в марте 1991 года три четверти населения Советского Союза высказались за его сохранение. Никакой фальсификации тогда Горбачёв не допустил. В стране, которой был Советский Союз, а до этого Российская империя, очень сильны не только центробежные, но и центростремительные тенденции. Что победит через год, два, три года, я не знаю. Возможно, Россия перестроится в нормальную демократическую федерацию, подобную Соединённым Штатам или Индийской Республике, возможно — в швейцарскую конфедерацию. Всё может быть, поэтому окончательных заявлений я бы не делал.

– История России — это история вечного насилия или история страны, которой хронически не везло с правителями?

– Иногда ей очень везло с правителями, хотя сам народ этого не оценивал. Я считаю, что в России было несколько совершенно фантастических правителей, которые жертвовали своей властью ради блага подданных, хотя им было очень нелегко из-за огромного сопротивления тогдашней элиты. Это Александр I. При нём разрабатывалась федеративная конституция Российской империи, он дал парламентские институты Польше и Финляндии. За двадцать пять лет его правления не было приведено в исполнение ни одного смертного приговора. Таким человеком был Александр II, который, преодолев колоссальное сопротивление помещичьей и дворянской среды, совершил великие реформы и фактически дал новую жизнь России. Суть исторического процесса — не расширение территории и не усиление величия страны, чтобы все боялись, а расширение свободы и экономических, культурных возможностей её граждан. И наконец, третьим таким правителем был, безусловно, Горбачёв.

– Вы отвергаете идею о врождённой жестокости русского или российского народа. Но как тогда объяснить, что за одно столетие Россия пережила Гражданскую войну, сталинский террор, Вторую мировую, Чечню и теперь войну с Украиной? Откуда вновь и вновь возникает готовность к столь огромным человеческим жертвам?

– Это вопрос непростой. Аналогичные примеры можно привести в других странах, но будем говорить о России. В XVIII веке в России было создано абсолютно неестественное общество общество рабов и рабовладельцев. Причём рабами были

не привезённые из-за океана люди другой культуры, как в Соединённых Штатах или на Карибских островах, а те же русские люди, которые бок о бок жили с будущими порабощателями, молились в одних храмах и причащались из одной чаши. До 1917 года Россия никогда не была социально единой страной. У высшего слоя были свои ценности и интересы, а у народа был главный интерес — освободиться. И он освободился в 1917 году благодаря большевикам.

– Но почему сегодня нет массовых протестов?

– Это очень важная вещь, которую упускают многие публицисты. Царская власть была чужой и ненавистной. Власть церкви тоже была чужой, потому что церковь полностью одобряла крепостное право. Поэтому священника ненавидели так же, как помещика, епископа — как генерала. А большевики сказали: "Мы вас освободим, уничтожим высшие сословия, а кто был ничем, тот станет всем". Большевики были бандитами, они обманули народ, использовали ненависть к высшим сословиям, чтобы захватить власть. Но народ на этот раз добровольно согласился идти с большевиками. Он добровольно согласился на их условия, в том числе на безбожие и захват имущества. Поэтому до сих пор народ в массе подсознательно считает советскую власть своей, а царскую — абсолютно чужой. Мир Льва Толстого и Пушкина вроде бы наш, но другой. А это наше: и КГБ наше, и ЧК наше.

– Чем привлекательна для большей части российского населения имперская идея? Писатель Александр Генис сказал: "Я ничтожество, сортир во дворе, денег нет, пью с утра до вечера, но зато есть империя и нас боятся". Он прав?

– Империя привлекательна по той простой причине, что ты можешь понукать другим человеком, другим народом или другой социальной группой и заставлять их делать не то, что им хочется, а то, что хочется тебе. Это самое большое наслаждение. Наслаждение властью над другим более пленительно, чем даже сексуальные чувства, просто не все отдают себе в этом отчёт. Поэтому люди стремятся к власти, хотят стать диктаторами и управлять людьми. Это начинается в собственной семье, где муж хочет управлять женой, жена — мужем, и семья разваливается. А потом захватывают земли. Помните, что сказал Путин перед агрессией в феврале 2022 года: "Нравится, не нравится — терпи, моя красавица". Так бандиты обычно говорят насилуемой женщине.

– Сегодня власть в России принадлежит чекистам и силовикам. Они владеют ресурсами управления страной и богаты. Можно ли говорить, что это новая буржуазия?

– Никакая это не буржуазия. Буржуазия — это люди, которые сами сделали себя, создали свой бизнес. Такими были русские предприниматели до революции: Морозовы, Рябушинские, Третьяковы. Вот это была буржуазия. Нынешние чекисты реальным бизнесом не занимаются, они его отжимают. В России был допущен рынок, страна из неработавшей административной экономики перешла к работающей рыночной — это большое достижение. Но власть сосредоточил в своих руках новый класс, который не пришёл к ней в результате умелой экономической деятельности. Реальной буржуазии у нас не было после 1917 года и практически нет сейчас, кроме мелких и средних бизнесменов, которые худо-бедно выживают. Эти люди используют государственный ресурс для накопления денег. Это продолжение старой большевистской и дворянской несвободной России.

– Российское общество часто называют пассивным. Пассивность — это форма согласия или форма выживания?

– Страна, которая смогла пройти через такую революцию в 1917–1922 годах, не может считаться страной пассивного народа. Страна, в которой до этого были крестьянские восстания, тоже не может считаться пассивной. Но после того, как люди сами избрали себе бандитскую власть и стали частью этой власти, они перестали восставать. Они с удовольствием шли в советские органы, в ЧК, в новую Красную армию. Поразительный пример: во время коллективизации и Голодомора было очень мало восстаний. Они были, но их было очень мало. В основном лозунг был: "За Советы без коммунистов". То есть люди не были против системы, они хотели избавиться от коммунистов, но оставить советскую власть, потому что она была их властью. Поэтому пассивность возникла в результате сочленения народа с бандитской коммунистической властью. Это сочленение продолжается до сих пор.

– Многие критикуют людей, которые в России молчат. Говорят, что уход во внутреннюю эмиграцию это соучастие. Как вы считаете?

– Мне кажется, то, что происходило на протяжении ста лет, подходит к концу. Это соучастие в большевистском преступлении заканчивается. Не случайно сейчас в России и в эмиграции звучит мысль, что чекисты всем завладели и живут в своих интересах. Значит, уже поняли: чекисты — это одно, а простые люди в России — другое. Сейчас происходит раскол этого слившегося кровью и слезами комка, который возник после революции.

– За время войны Путин несколько раз менял её объяснения: сначала денацификация, потом демилитаризация, борьба с НАТО, теперь почти священная война. Это признак идеологической растерянности или нормальная эволюция затяжной войны?

– Я думаю, это не эволюция. Новые понятия так же глупы, как первые. Не надо искать закономерность и интеллектуальные причинно-следственные связи в этих оборотах Путина. Ему надо было объяснить, почему он напал на Украину. Очевидно, разумного объяснения нет.

– Что у Путина закончится быстрее: человеческий ресурс или политическая устойчивость режима?

– Я надеюсь, что первым закончится ресурс социальной поддержки. Народ поймёт, что это не его власть, что эта власть ему навязана, и, соответственно, это не его война. Главное не его власть, а уже эта не его власть навязала ему не его войну. Чекисты не вчера свалились, как клоп с потолка. Они существуют с декабря 1917 года и каждый год празднуют свои праздники. Весь советский период это фактически период чекизма. Когда люди поймут, что это не их, тогда произойдёт освобождение русского общества.

– Как получилось, что Русская православная церковь стала одним из главных идеологических союзников войны?

– Так же, как Русская православная церковь стала одним из главных идеологических союзников крепостного права в дореволюционной России. Трагедия Русской церкви её сервильность. Христианство — величайшая энергия и сила, поэтому власть пытается подчинить его в первую очередь. Пётр I создал Синод, чтобы подчинить церковь и сделать своей. Когда церковь на это идёт, она сохраняет все видимые блага и институты, но теряет свою суть. Суть в любви к людям, а не в лояльности к власти. Есть священники, которые выступают против этого, и они становятся гонимыми.

– Поражение в Русско-японской войне 1905 года привело к реформам?

– Привело. В первую очередь, к Манифесту 17 октября 1905 года и переходу России к парламентскому правлению. В России впервые были дарованы парламентские учреждения. Местное земское самоуправление существовало с 1864 года, а осенью 1905 года были даны гражданские свободы. В апреле 1906 года собралась Дума. В выборах участвовало практически всё население России — русское и нерусское, в Польше и на Кавказе. Главной политической реформой стало превращение России в парламентскую демократию.

– Если бы завтра Путин исчез из политики, Россия стала бы другой уже через год или проблема гораздо глубже одного человека?

– Власть стала бы другой практически сразу, потому что исчезни Путин, трансляции путинизма бы не было. Даже та же кgb-шная элита постаралась бы восстановить отношения с Западом, прекратить войну. Она никому не нужна, кроме каких-то сумасшедших Z-пропагандистов. Но изменение общественного сознания сложный и долгий процесс. После конца Второй мировой войны нацистские идеи изживались лет сорок. Ещё в 1980-е годы среди крупных историков Германии были сторонники нацизма. У нас есть краткосрочная перспектива - новое руководство, которое будет стараться восстановить отношения с Западом, и долгосрочная перспектива исправления умов. Самая большая проблема в мозгах, а не только в системе.

– Сколько ещё людей нужно положить в этой войне, чтобы в России начался бунт?

– Не надо рассуждать в явно абсурдных категориях. Может быть бунт, может не быть бунта. Может быть переход власти к другой части элиты после исчезновения Путина, и народ это поддержит. Большинство уже не является фанатичными сторонниками "Крымнаша". Людям всё это надоело, большинство мечтает о возвращении к нормальной жизни, когда бензин свободно продаётся по невысокой цене, а родственников и детей не гонят на войну и не убивают в мясных штурмах. Люди уже не такие, как в 2014–2015 годах, когда народ безумно орал от восторга. Теперь он понял цену этого возвращения. Любой режим, даже тоталитарный, всё равно обращается к народу и связан с ним. Народ, даже когда молчит, огромная сила. Сейчас народ России больше не является сторонником войны, он является её заложником.

– Военные, вернувшиеся с фронта, могут стать силой, которая поднимет людей?

– Ветераны, которые ушли с фронта и демобилизованы, большей частью не способны на активную деятельность. Когда будут выборы, за их голоса будут бороться, но это более или менее пассивный слой. А те, кто сейчас находится на фронте и кого завтра могут перемолоть в очередном штурме, способны на большее. Восстание на фронте реально. Восстание в частях, которые завтра могут бросить в бой, реально. А восстание среди людей, которые вернулись к жёнам и детям без ноги, без руки, нереально.

Мумин Шакиров

Этот контент также в категориях

Грани времени

Интервью

Видео анонс